

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О МОЕЙ ЖИЗНИ.

Салтинскій походъ

1847 года.

27-го Апрѣля 1847 г., главнокомандующій, князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, выѣхалъ изъ Тифлиса, въ объѣздъ Лѣваго фланга Кавказской линіи и для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ, предполагавшихся въ Дагестанѣ. Сопровождали его: начальникъ главнаго штаба, генералъ Коцебу съ чинами походнаго штаба, адъютанты главнокомандующаго, князя Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ и Сергѣй Илларионовичъ Васильчиковъ; состоявшіе при главнокомандующемъ капитанъ генеральнаго штаба графъ Ѳеодоръ Логяновичъ Гейденъ и султанъ Адиль-Гирей; докторъ Андреевскій, князь Семень Михайловичъ Воронцовъ, тогда еще въ гражданской службѣ числившійся, и я, исправляя, за отсутствіемъ М. П. Щербинина, должность директора походной канцеляріи намѣстника и главнокомандующаго.

Путешествіе началось съ Владикавказа, откуда мы направились на Сунженскую линію. На этой лишь за два года передъ тѣмъ совершенно-пустынной мѣстности, какъ бы волшебнымъ мановеніемъ, возникли уже двѣ обширныя станицы: Сунженская (нынѣ Слѣпцовская) и Троицкая, населенныя казаками храбраго, молодцоватаго Сунженскаго полка. Успѣли, въ столь короткое время, эти новые поселенцы пріобрѣсти громкую боевую славу, благодаря своему энергическому, предприимчивому и доблестному начальнику, полковнику Слѣпцову. Этотъ штабъ-офицеръ занимаетъ почетное мѣсто въ лѣтописяхъ Кавказа смѣлостью своихъ военныхъ предпріятій, счастьемъ, которымъ они обыкновенно сопровождались, и рѣдкимъ даромъ внушать свой геройскій духъ своимъ подчиненнымъ. Не чуждъ онъ былъ восторженности и, пожалуй, общей многимъ изъ отдѣльныхъ начальниковъ, нѣкоторой хвастливости въ реляціяхъ; но недостатки эти окупались несомнѣнными достоинствами замѣчательнаго кавалерійскаго офицера. Кончилъ свою

жизнь храбрый Слѣпцовъ, какъ подобало ему: измѣнило ему въ одинъ день счастье, которое его баловало, и онъ палъ, нѣсколько лѣтъ спустя, геройскою смертію въ одномъ изъ предпринятыхъ имъ набѣговъ.

Пока мы дневали въ Сунженской станицѣ, полковникъ Слѣпцовъ угостилъ прїѣзжихъ блестящимъ военнымъ эпизодомъ. По дошедшему до него черезъ лазутчиковъ свѣдѣнію, что довольно значительная партія Чеченцевъ собралась на рѣчкѣ Ассѣ, въ 10—12 верстахъ отъ станицы, съ намѣреніемъ сдѣлать набѣгъ на покорныхъ Назрановцевъ, Слѣпцовъ, во главѣ 600 казаковъ и подкрѣпленный однимъ баталіономъ Грузинскаго гренадерскаго полка, поскакалъ на встрѣчу непріятелю, засталъ его переправлявшагося черезъ рѣчку, немедленно атаковалъ и быстрымъ натискомъ опрокинулъ, утопивъ немалое число въ Ассѣ. Непріятель оставилъ въ рукахъ побѣдителя три значка, изъ которыхъ одинъ былъ значекъ извѣстнаго Галгашевскаго наиба, Дударова, и пять тѣлъ убитыхъ, которыя не успѣли подобрать, что одно доказывало поспѣшность его бѣгства. Все это произведено было такъ быстро, что посланные, на всякій случай, въ подкрѣпленіе Слѣпцову еще два баталіона пѣхоты дошли до мѣста побоища, когда все уже было окончено. Лазутчики опредѣлили численность непріятельскаго сборища въ 10—14000 человекъ; но такимъ показаніямъ, почти всегда крайне преувеличеннымъ, нельзя было вполнѣ вѣрить. Дѣлались они изъ личныхъ расчетовъ, для полученія большаго вознагражденія; но если уменьшить цифру показанія и на двѣ трети, превосходство численности непріятельской оставалось на столько значительнымъ, что одержанный успѣхъ не умалялся.

Пробывъ еще два дня въ Сунженской станицѣ, для осмотра всего что возникло съ прошлаго года, главнокомандующій направился къ рѣчкѣ Ассѣ, гдѣ, съ сопровождавшимъ его отрядомъ, расположился лагеремъ, на шесть дней. Въ продолженіи этого времени была осматриваема мѣстность для будущаго основанія станицы, принявшей въ послѣдствіи названіе Ассинской, и сдѣлано движеніе къ рѣчкѣ Фортанкѣ, гдѣ сооружалось укрѣпленіе, названное Ачхоевскимъ. Былъ это, въ то время, первый укрѣпленный пунктъ на передовой передъ Сунженской линіи; она имѣла назначеніемъ перерѣзать Малую Чечню, отъ укрѣпленія Воздвиженскаго до Назрановскаго. Станица Ассинская и затѣмъ укрѣпленіе Урусъ-Мартанское дополняли эту линію, обезпечивая спокойствіе на Сунженской линіи и вынуждая враждебное Чеченское населеніе покинуть эти мѣста и удалиться въ Черныя горы. Если вспомнить, что только два года передъ тѣмъ наша кордонная линія находилась

на большой дорогѣ отъ Владикавказа къ Екатеринограду, то нельзя было не удивиться всему совершенному съ начала 1846 г., когда впервые было положено начало казачьему поселенію на Сунжѣ и рубкѣ широкихъ просѣкъ чрезъ Малую Чечню. Покореніе Чечни подвигалось систематически и дѣлалось только вопросомъ времени.

Изъ лагеря при Ассѣ мы отправились въ крѣпость Грозную, откуда продолжали путь черезъ Старый Юртъ, по правому берегу Терека, на укрѣпленіе Умаханъ-Юртъ, при сліянїи Сунжи и Терека, и затѣмъ черезъ укрѣпленіе Куринское, Герзель-Аулъ и Внезапное въ Чирь-Юртъ. Это знакомое съ Даргинскаго похода, нѣкогда пустынное мѣсто преобразилось до неузнаваемости. На правомъ берегу Сулака былъ уже расположенъ на постоянныхъ квартирахъ храбрый Нижегородскій драгунскій полкъ, перешедшій сюда изъ урочища Кара-Агачъ, въ Кяхетин; полкъ быстро обстраивался; близъ штабъ-квартиры было воздвигнуто укрѣпленіе на одинъ батальонъ пѣхоты, и подъ прикрытіемъ онаго основалось уже небольшое поселеніе; черезъ рѣку Сулакъ перекинутъ былъ постоянный пловучій мостъ, и было, такимъ образомъ, установлено здѣсь прочное сообщеніе между Дагестаномъ и Кумыкскою плоскостью, которая, присутствіемъ отборной регулярной кавалеріи, была ограждена отъ всякихъ непріятельскихъ хищническихъ нападений. И здѣсь короткій двухлѣтній періодъ былъ съ пользою употребленъ для выполненія систематическаго плана постепеннаго покоренія Дагестана. Командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка, въ этотъ разъ, застали мы храбраго и своими подвигами и доблестнымъ характеромъ на Кавказѣ извѣстнаго полковника Круковскаго (впослѣдствіи генералъ-маіоръ и атаманъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска). Былъ онъ, въ полномъ смыслѣ, рыцарь безъ страха и упрека.

Изъ Чирь-Юрта мы пріѣхали въ Темиръ-Ханъ-Шуру, мѣстопробываніе начальника Сѣвернаго Дагестана. Должность эту продолжалъ занимать, какъ и въ 1846 году, генералъ-лейтенантъ князь Василій Осиповичъ Бебутовъ; передъ прибытіемъ нашимъ, онъ находился, съ отрядомъ войскъ въ лагерѣ при урочищѣ Ходжалъ-Махи. Онъ прибылъ оттуда для встрѣчи главнокомандующаго въ своей официальной резиденціи. Сія послѣдняя была въ то время довольно обширное, но мало изящное мѣстечко, штабъ-квартира Апшеронскаго пѣхотнаго полка. Пробывъ два дня въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, прослѣдовали мы въ Ходжалъ-Махи, по пути посѣтивъ большое селеніе Дженгутай, мѣстопробываніе Мехтулинскаго хана. За послѣдовавшею, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, кончиною хана и за малолѣтствомъ его наслѣдника, старшаго его сына,

Ахметъ-хана, управленіе ханствомъ было поручено матери сего послѣдняго, Нохъ-Беки, подъ руководствомъ штабъ-офицера Русскихъ войскъ, полковника князя Григорія Дмитріевича Орбеліани. Но правительницу ханства мы не застали: она находилась въ плѣну у горцевъ, осенью прошедшаго года похищенная изъ своего дома дерзкимъ набѣгомъ извѣстнаго Хаджи-Мурата, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ по своей смѣлости сподвижниковъ Шамиля. Темною ночью съ небольшою партіею горцевъ Хаджи-Муратъ, врасплохъ, ворвался въ селеніе и въ ханскій домъ и увезъ ханшу, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Трудно вѣрить, чтобы такой набѣгъ могъ такъ удачно совершиться безъ соучастниковъ въ самомъ аулѣ. Хаджи-Муратъ ограничился похищеніемъ ханши; ея два сына малолѣтніе, Ахметъ и Решидъ-ханы, остались въ Дженгутаѣ. Они принимали главнокомандующаго при помощи князя Орбеліани и произвели на всѣхъ прибывшихъ самое пріятное впечатлѣніе своею замѣчательною красотою и соединенною съ достоинствомъ, выше лѣтъ ихъ, привѣтливостію. Послѣ покоренія восточнаго Кавказа, въ 1859 году, старшій изъ двухъ братьевъ, Ахметъ-ханъ былъ назначенъ ханомъ Аварскимъ, а младшій, Решидъ, унаслѣдовалъ отъ него Мехтулинское ханство; но оба они недолго удержались въ этихъ званіяхъ, предались пьянству и отъ него погибли.

25 Мая мы прибыли въ лагерь при Ходжалъ-Махи. Последняя часть пути, отъ селенія Лаваша, представляла узкое, приблизительно 10 верстное, каменистое ущелье, замѣчательное лежавшими на самой дорогѣ и по сторонамъ ея огромными камнями, совершенно правильной шарообразной формы, точно ядра отъ гигантскаго орудія; трудно было себѣ объяснить, какая сила могла выточить эти огромные шары, разбросанные въ ущельѣ, тогда безводномъ. Ходжалъ-Махи, нѣкогда многолюдное, богатое, селеніе, представляло одну лишь груду развалинъ; было оно раззорено Шамилемъ, послѣ взятія имъ бывшаго нашего Гергебильскаго укрѣпленія; жители были отчасти умерщвлены, отчасти уведены въ горы или разбѣжались. Свидѣтельствовали о прежнемъ благосостояніи населенія обширные фруктовые сады и прекрасныя орѣховыя деревья. Въ этихъ садахъ расположенъ былъ лагерь отряда войскъ Сѣвернаго Дагестана, предназначенный участвовать въ предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Бодро привѣтствовали войска главнокомандующаго; но лагерь подвергся тяжкому испытанію: въ немъ появилась холера, унося ежедневно по нѣсколько жертвъ. Очень удручающее впечатлѣніе производитъ на всѣхъ присутствіе въ военномъ лагерѣ подобной эпидеміи; она отзывается, въ большей или мень-

шей степени, на здоровьи большинства: только и слышишь, что столько-то заболѣло, а такой-то умеръ. Чѣмъ тѣснѣе кругъ, тѣмъ живѣе все въ немъ чувствуется. Принимали всевозможныя мѣры къ борьбѣ съ незванною гостею; но въ то время холера еще мало была извѣстна, и средства лѣченія были ограничены. На слѣдующій послѣ нашего пріѣзда день, прибылъ на подкрѣпленіе къ намъ, съ отрядомъ войскъ ему подчиненныхъ, командовавшій войсками въ Южномъ Дагестанѣ, генералъ князь Моисей Захарьевичъ Аргутинскій-Долгорукій, одинъ изъ наиболѣе выдававшихся въ то время военныхъ дѣятелей на Кавказѣ; онъ уже пріобрѣлъ заслуженную извѣстность удачными дѣлами противъ горцевъ, для которыхъ имя его сдѣлалось страшнымъ.

27-го Мая была произведена рекогносцировка по дорогѣ ведущей отъ Ходжалъ-Махи къ Гергебилию, взятіе котораго имѣло составить первую часть программы военныхъ дѣйствій того лѣта. Взятіе это входило въ общій систематическій планъ постепеннаго покоренія Дагестана. На сколько въ Чечнѣ послѣдовательная система выражалась въ рубкѣ лѣсовъ, для открытія путей въ глубь страны и для выдвиганія нашихъ военныхъ линій, вынуждая непокорное населеніе удаляться въ глубь горъ; на столько въ Дагестанѣ имѣлось въ виду отъснять непріятеля, суживая постепенно районъ его владычества и удаляя его отъ мѣстностей, занятыхъ покорнымъ намъ населеніемъ. Такими линіями представлялось теченіе рѣкъ, носящихъ общее названіе Койсу (Казыкумукскаго, Аварскаго и Андійскаго) которыя, соединяясь, составляли рѣку Сулакъ. Наиболѣе приближенная къ нашимъ мирнымъ поселеніямъ была линія Казыкумукскаго Койсу; ограждалась она, до 1843 года, между прочимъ, Гергебильскимъ укрѣпленіемъ, въ томъ году взятымъ Шамилемъ, который въ свою очередь, укрѣпивъ эту деревню и разоривъ бывшія по теченію Койсу покорныя намъ селенія, въ близкомъ разстояніи угрожалъ землямъ Мехтулинскаго ханства. И возстановленіе чести нашего оружія, и конечная цѣль покоренія Дагестана требовали взятія Гергебиля и уничтоженія этого враждебнаго аванпоста. Неудача, постигшая первую попытку взять Гергебиль, какъ будетъ ниже изложено, потребовала въ слѣдующемъ году новой осады, которая тогда увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

1-го Іюня отрядъ Сѣвернаго Дагестана, при которомъ слѣдовалъ главнокомандующій, и главная квартира двинулись, подъ непосредственнымъ начальствомъ князя Василія Осиповича Бебутова, къ Гергебилию. Лагерь былъ разбитъ на возвышенности передъ ауломъ. На слѣдующій день прибылъ отрядъ Южнаго Дагестана, предводительствуемый княземъ

Аргутинскимъ-Долгоруковымъ, и расположился въ садахъ, на пространствѣ между ауломъ и рѣкою. Занятіе этихъ садовъ имѣло цѣлью воспрепятствовать сообщенію между гарнизономъ и непріятельскою наблюдательною партіею, которая находилась на противоположномъ берегу рѣки. Укрѣпленный аулъ Гергебиль былъ расположенъ амфитеатромъ, на изолированной скалѣ, у подошвы которой протекала рѣчка Аймаки: выходитъ она изъ узкаго ущелья того же имени и, прорѣзая Гергебильскіе сады, впадаетъ въ Койсу. Аулъ лежалъ на правомъ берегу рѣчки; на лѣвомъ же, какъ разъ противъ него и въ разстояніи не болѣе дальняго ружейнаго выстрѣла, возвышался узкій кряжъ, заслонившій нашъ лагерь отъ аула. На этомъ кряжѣ, въ первую же ночь послѣ нашего прихода, была устроена батарея изъ полевыхъ орудій, а нѣсколько позади другая, мортирная. Аулъ былъ окруженъ стѣною, усиленную тремя башнями, по обращенному къ рѣчкѣ фасу; одна изъ этихъ башень, ближайшая къ ущелью, защищала подходъ къ водѣ, которою снабжался гарнизонъ. Обращенная къ рѣчкѣ сторона скалы, на которой возвышалась аульная стѣна, была отвѣсная; обращенная къ садамъ болѣе отлогая.

Въ виду свирѣпствовавшей въ лагерь холеры, которая находила особенно для себя благопріятную почву въ низменныхъ и душныхъ садахъ, признано было необходимымъ, по возможности, сократить время пребыванія въ оныхъ, и слѣдовательно ускорить взятіемъ аула. Погода была жаркая; шедшій въ ночь съ 2-го на 3-е Іюня проливной дождь, на время, нѣсколько освѣжилъ воздухъ. Утромъ, 3-го числа, открыла свое дѣйствіе брешъ-батарея, по направленію обращенной къ садамъ стороны аула. Дѣйствовала она цѣлый день и настолько произвела разрушеніе въ крѣпостной стѣнѣ, что сочтено было возможнымъ уже 4-го числа утромъ рискнуть приступомъ. Штурмовая колонна была составлена изъ двухъ баталіоновъ, одного Апшеронскаго, другаго Ширванскаго, князя Варшавскаго, полка, подъ общюю команду командира Апшеронскаго полка, князя Захарія Дмитріевича Орбеліани. Апшеронскимъ баталіономъ командовалъ храбрый маіоръ Бибановъ; прикомандированъ былъ къ оному, въ качествѣ волонтера, участвовавшій, съ высочайшаго разрѣшенія, въ экспедиціи сего года, офицеръ Датской службы, Дюплѣ. Былъ онъ мнѣ знакомъ съ дѣтства моего, какъ частый посѣтитель родительскаго моего дома, и усердный дѣятель на Копенгагенскихъ балахъ; онъ пріобрѣлъ 4-го Іюня 1847 г. болѣе почетную славу какъ храбрый офицеръ. Независимо отъ колонны, назначенной для приступа, была составлена особая команда изъ охотниковъ, подъ начальствомъ маіора Кутузова, которая имѣла овладѣть одною изъ башень.

Штурмовая колонна собралась передъ началомъ дѣла за кряжемъ, на которомъ (какъ выше упомянуто) была устроена батарея; тутъ ее привѣтствовалъ главнокомандующій и благословилъ на подвигъ; громкіе, единодушные, крики ура! были отвѣтомъ на слова маститаго начальника. Воодушевленіе было общее; оно возбуждало надежду на успѣхъ. Смѣло пошла колонна на приступъ довольно еще недодѣланной бреші; во главѣ офицеры. Первымъ взошелъ на стѣну капитанъ Винниковъ; вслѣдъ за нимъ капитанъ Щедръ, единственный оставшійся въ живыхъ изъ состава бывшаго нашего Гергебильскаго гарнизона, истребленнаго при взятіи укрѣпленія Шамплемъ; четвертымъ мой пріятель Дюплъ. Солдаты быстро слѣдовали за офицерами. Съ напряженнымъ вниманіемъ, не безъ біенія сердца, слѣдили мы всѣ, окружавшіе главнокомандующаго, съ вершины кряжа, за этою картиною, лично для меня столь новою. Успѣхъ казался общающимъ. Въ очень близкомъ отъ аульной стѣны разстояніи и какъ бы съ нею связаннымъ, начинались плоскія крыши сакель. Первые взобравшіеся на стѣну храбрецы перешли на ближайшую крышу: мы ожидали, что слѣдовавшіе за ними ихъ поддержать; но вдругъ они остановились какъ бы въ недоумѣніи: оказалось, что неширокое пространство между стѣною и ближайшими саклями служило непріятелю крытымъ ходомъ, съ верхними перекладами, соединявшими въ видѣ мостика стѣну съ саклями. Какъ скоро передовые наши офицеры и солдаты заняли крышу ближайшей сакли, Лезгины подрубили подставы, на которыхъ покоились переклады; онѣ обрушились, создалось пустое пространство, и непріятель снизу сталъ стрѣлять на подходившихъ. Очутившіеся на крышѣ сакли должны были помышлять о возвращеніи назадъ; но они были тотчасъ окружены и должны были, пробиваясь, перескакивать черезъ образовавшійся провалъ. Нѣкоторые успѣли, послѣ упорнаго боя, это исполнить; но около 20 человекъ осталось въ аулѣ. Майоръ Бибановъ, собственноручно положивъ двухъ мюридовъ, получилъ три легкія раны. Дюплъ былъ раненъ въ колѣно; оба они однако успѣли вернуться. Озадаченная неожиданностью препятствія колонна остановилась, но вслѣдъ за тѣмъ отступила, преслѣдуемая залпами изъ ружей непріятельскихъ, направленныхъ изъ бойницъ въ аульную стѣну. Мюриды очевидно подпустили колонну на стѣну, рассчитывая на успѣхъ своей хитрости, и не ошиблись они. Преслѣдуемые въ упоръ выстрѣлами солдаты, подъ вліяніемъ охватившей ихъ паники, уже не отступали, а бѣжали назадъ, оставляя не подобранными до 30 тѣлъ убитыхъ. Офицеры успѣли остановить бѣгущихъ; подкрѣплена была колонна изъ резерва, и ее повели вторично на приступъ: но очевидно было, что такая вторая попытка не могла имѣть успѣха: исчезло воодушевленіе,

которое, передъ первымъ приступомъ, царило въ рядахъ; солдаты шли не бодро, а нерѣшительно и вяло; пришлось вторично отступить и признать, что штурмъ не удался. Общая потеря выразилась въ 100 убитыхъ и до 500 раненыхъ или контуженныхъ. Не была счастливѣе особая колонна охотниковъ, подъ начальствомъ майора Кутузова; она направилась невѣрно и, хотя успѣла взобраться на одну изъ башень, но и тутъ полъ подъ ногами провалился, и всѣ бывшіе на башнѣ погибли. Въ общемъ числѣ убитыхъ и раненыхъ отношеніе офицеровъ къ нижнимъ чинамъ было чрезвычайно значительно. Съ тяжелымъ сердцемъ всѣ воротились въ лагерь.

Что штурмъ былъ рискованный и предпринять безъ достаточнаго, при нормальныхъ обстоятельствахъ, подготовленія, могло быть ясно и непосвященному въ тайны военнаго искусства. Оправданіемъ служила необходимость, въ виду усилившейся въ лагерь холеры, по возможности скорѣе вывести отрядъ изъ зараженной мѣстности. При такихъ условіяхъ оставался выборъ изъ двухъ: либо снять осаду, не испытавъ счастья, что произвело бы невыгодное впечатлѣніе и на своихъ, и на непріятеля, возвысивъ обаяніе, которымъ онъ пользовался: или же рискнуть приступомъ, рассчитывая на счастье и на стойкость войскъ. Одолѣвали они и большія трудности, и весьма вѣроятно, что существованіе въ лагерьѣ эпидемія немало повліяло на духъ солдатъ: ибо извѣстно, на сколько холера дѣйствовала удручающе даже на тѣхъ, которые не были непосредственно ею поражены.

Пришлось однако еще три дня пребыть въ лагерьъ подъ Гергебилемъ, отчасти для необходимаго отправленія раненныхъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а также дабы отступление не приняло видъ бѣгства.

8 Іюня соединенные отряды направились обратно къ Ходжалъ-Махи. Отрядъ князя Аргутинскаго шелъ въ арріергардъ. Непріятельская партія, которая, во все время осады, занимала позицію на противоположномъ берегу Койсу, послѣдовала за нами съ намѣреніемъ тревожить наше движеніе; но князь Моисей Захарьевичъ скоро отбилъ у нея къ тому охоту: избравъ удобное для того мѣсто, онъ расположилъ часть войскъ въ засадѣ, и когда не подозрѣвавшій этого непріятель подошелъ къ оной, то, перейдя внезапно въ наступленіе, наши войска обратили мюридовъ въ бѣгство, сбросили до 40 человекъ въ рѣку и отбили одинъ значекъ. Послѣ этого урока отступление совершилось безъ всякаго безпокойства. Отрядъ остановился въ двухъ верстахъ, пройдя Ходжалъ-Махи. Число заболѣвавшихъ все усиливалось; необходимо было скорѣе вывести войска въ болѣе возвышенныя и здоровыя мѣста.

10-го Іюня отряды раздѣлились: князь Вебутовъ, съ частью войскъ имъ начальствуемыхъ, пошелъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а главная квартира присоединилась къ отряду князя Аргутивскаго, усиленному нѣкоторыми баталіонами изъ войскъ Сѣвернаго Дагестана. На слѣдующій день было получено извѣстіе о кончинѣ отъ холеры, командира Апшеронскаго полка, князя Захарія Дмитріевича Орбеліани. Отличный этотъ штабъ-офицеръ унесъ съ собою въ могилу общее уваженіе его начальниковъ и сослуживцевъ; командованіе Апшеронскимъ полкомъ было поручено родному его брату, полковнику князю Григорію Дмитріевичу Орбеліани.

Въ виду значительнаго количества слабосильныхъ, отъ вліянія холерной эпидеміи, движеніе отряда происходило довольно медленно, съ частыми дневками. По пути остановились мы, на четыре дня, въ мѣстности, гдѣ были открыты залежи каменнаго угля. Князь Воронцовъ съ особеннымъ вниманіемъ относился къ этому минеральному топливу; имѣло оно большую важность въ безлѣсномъ Дагестанѣ, гдѣ снабженіе войскъ топливомъ было крайне-затруднительно, часто даже мѣшало военнымъ дѣйствіямъ. По этой причинѣ, первыя геологическія изысканія, незадолго передъ тѣмъ прибывшаго на Кавказъ, извѣстнаго геолога, академика Абиha, были, по требованію намѣстника, направлены въ Дагестанъ, съ спеціальною цѣлью отысканія залежей каменнаго угля или торфа. По указаніямъ сего ученаго, разработка открытыхъ залежей угля была поручена командированному для этой цѣли горному инженеру Хрепятицкому. Для наблюденія за производившимися работами главнокомандующій далъ въ этой мѣстности отряду четырехдневный отдыхъ; устраиваемы были и особыя печи для испытанія доброкачественности угля. О дальнѣйшей участи этой разработки не сохранилось у меня воспоминанія; не полагаю, чтобы она получила особенное развитіе, вѣроятно по недостаточному богатству пластовъ. Мѣстность эта, имя которой мнѣ непамятно, находилась въ 11 верстахъ отъ мѣстечка Кумухъ, резиденціи хана Кумухскаго. Ханское званіе носилъ въ то время Абдурахманъ-ханъ, личность весьма незамѣчательная. Вблизи мѣстечка существовало наше укрѣпленіе.

Отъ Кумуха, гдѣ отрядъ также имѣлъ дневку, онъ двинулся на Турчи-Дагъ. Такое названіе носило огромное горное плато, на высотѣ около семи тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Здѣсь князь Аргутинскій, въ лѣтніе мѣсяцы, часто располагался съ войсками, какъ для санитарныхъ цѣлей, такъ и потому, что могъ оттуда угрожать внезапными нападеніями, въ различныя стороны, на непріятельскія поселе-

нія. Изъ мѣста расположенія нашего лагеря, въ одной изъ окраинъ Турчи-Дага, растиался великолѣпный видъ на немалую часть Дагестана словно громадная рельефная карта; виднѣлась гора Гунибъ, которая черезъ двѣнадцать послѣ того лѣтъ имѣла пріобрѣсти столь громкую славу; далѣе такъ названная Русскими, по своей оригинальной формѣ, Чемоданъ-гора, у подошвы которой былъ расположенъ аулъ Тилитли, мѣстопробываніе Кибитъ-Магомы, одного изъ главнѣйшихъ наивовъ Шамиля; глубоко подъ ногами нашими аулы: Чохъ, Руджа, Сократли.

Въ 1847 году Турчи-Дагъ сдѣлался санитарною станціею для борьбы съ холерою. Съ перваго же дня нашего прибытія случили заболѣванія не возобновлялись, и недолго спустя о холерѣ было забыто. Тѣмъ не менѣе, для полнаго возстановленія силъ въ средѣ чиновъ отряда, пребываніе на этой стоянкѣ было продолжено съ 20 Іюня по 25 Іюля. Въ развлеченіяхъ, при однообразной лагерной жизни, не было впрочемъ недостатка: устраивались конскія скачки, прогулки по обширному плато, войска были занимаемы ученіями, прибывали и отправлялись курьеры, срочно, съ офиціальною и частною перепискою, составлявшею главный предметъ моихъ занятій. Нерѣдко бывали вечернія собранія штабной молодежи, когда, при дымящейся жжонкѣ, или съ стаканами Кахетинскаго вина, въ тихія лѣтнія ночи, воздухъ оглашался хоровыми пѣснями, и нашъ запѣвало, князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ, привлекалъ слушателей своимъ пріятнымъ теноровымъ голосомъ. Но и полезное соединялось съ пріятнымъ: были открыты довольно обильныя залежи торфа; они успѣшно разрабатывались и въ послѣдующіе годы приносили немалую пользу, снабжая нши отряды дешевымъ и хорошимъ топливомъ. Сюда же, на Турчи-Дагъ, прибылъ командированный по высочайшему повелѣнію, тогда уже пріобрѣтшій почетную извѣстность, докторъ Николай Ивановичъ Пироговъ; остался онъ при отрядѣ во все остальное время экспедиціи и имѣлъ немало случаевъ примѣнить свое знаніе и искусство во время предстоявшей осады укрѣпленія аула Салты.

25 Іюля, послѣ отслуженія молебствія, отрядъ, вполне оправившись отъ холеры, выступилъ изъ Турчи-Дага и дошелъ до раззореннаго аула Кегѣрь. На слѣдующій день мы спустились, по довольно крутой и каменистой дорогѣ, въ ущелье рѣчки Сала, гдѣ, въ опустѣлыхъ садахъ, былъ сдѣланъ трехчасовой привалъ. Оттуда, пройдя черезъ другой, также оставленный жителями аулъ Силла, мы достигли возвышенности, у подошвы которой былъ расположенъ укрѣпленный аулъ Салты.

Переднимъ своимъ фасомъ ауль этотъ занималъ всю ширину узкой, между двумя хребтами, долины, которая тянулась до такъ называемаго Салтинскаго моста, на притокъ Аварскаго Койсу; онъ такимъ образомъ замыкалъ, съ этой стороны, проходъ къ этому мосту. Въ послѣднее время ауль Салты былъ сильно укрѣпленъ Шамилемъ; служилъ онъ одинаково и для защиты подхода къ рѣкѣ, и какъ передовой пунктъ, изъ котораго непріятель могъ безнаказанно производить набѣги на покорныя намъ деревни Даргинскаго и Акушинскаго обществъ. Такъ, незадолго передъ тѣмъ, такому нападенію подверглась богатая деревня Цудахаръ, въ которой произведено было значительное раззореніе; жители ея, какъ и другихъ болѣе мелкихъ ауловъ, разбѣжались. Взятіе и разрушеніе Салты, этого непріятельскаго притона, являлись неотложно - необходимыми какъ для цѣлей наступательныхъ, такъ и, въ не меньшей мѣрѣ, для обезпеченія безопасности покорнаго намъ населенія, вѣрность котораго находилась въ полной зависимости отъ нашей способности его защитить.

Ауль Салты былъ сильно укрѣпленъ и природою, и искусствомъ. Весь передній фасъ былъ защищенъ каменною стѣною, съ тремя башнями. Оба конца стѣны упирались въ крутые овраги, изъ которыхъ доступъ былъ невозможенъ; рѣчка Сала и небольшой ея притокъ, отдѣлявшіе нашу позицію отъ аула, снабжали сей послѣдній водою, для чего былъ устроенъ искусственный прудъ; за ауломъ, по направленію къ Салтинскому мосту, тянулись обширные сады. Гарнизонъ былъ составленъ изъ отборныхъ мюридовъ, которые поклялись умереть, но не сдаваться; могли они получать подкрѣпленія и припасы, пока тылъ аула былъ свободенъ. Большая часть нашего отряда заняла возвышенности, по лѣвой отъ насъ сторонѣ аула; другая расположилась на равнинѣ, предъ фронтомъ онаго; правый флангъ сей послѣдней упирался въ довольно крутой оврагъ, за которымъ непріятель занималъ нѣчто въ родѣ передоваго укрѣпленія, прикрывавшаго правую отъ насъ сторону аула, и вмѣстѣ съ тѣмъ и доступъ къ нему подкрѣпленный. Ясно было, что для полного обложенія осаждаемаго мѣста придется овладѣть и этимъ укрѣпленнымъ передовымъ постомъ, и садами въ тылу онаго.

На слѣдующій, послѣ нашего прихода, день прибылъ, для усиленія осаждающаго отряда, съ двумя батальонами Дагестанскаго и Апшеронскаго полковъ, командиръ Дагестанскаго полка, полковникъ Евдокимовъ, впослѣдствіи извѣстный графъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей при окончательномъ покореніи Кавказа; съ нимъ же прибылъ адъютантъ

главнокомандующаго Глѣбовъ. Не успѣли батальоны занять назначенныя имъ мѣста и отдѣлить небольшую часть для рекогносцированія упомянутой выше отдѣльной непріятельской позиціи, какъ быстро распространился слухъ, что Глѣбовъ тяжело раненъ; оказалось, что, идя впереди рекогносцировавшей части, онъ былъ раненъ пулею прямо въ лобъ; его бѣлая фуражка (онъ числился въ конно-гвардейскомъ полку) послужила цѣлью непріятельскому стрѣлку; Глѣбовъ прожилъ только нѣсколько часовъ. Очень грустное впечатлѣніе произвела смерть его на всѣхъ его товарищей; былъ онъ всѣми любимъ и уважаемъ, жилъ и умеръ молодцомъ!

Осадныя работы безъ замедленія начались; руководилъ непосредственно ими инженеръ-полковникъ Кесслеръ, въ послѣдствіи начальникъ инженеровъ на Кавказѣ, офицеръ знавшій свое дѣло, честный и храбрый. Траншей-маіоромъ былъ назначенъ состоявшій при князѣ Аргутинскомъ, маіоръ Мищенко; помощникомъ его состоявшій при главнокомандующемъ капитанъ генеральнаго штаба, графъ Ѳеодоръ Логиновичъ Гейденъ. Нѣкоторые изъ адъютантовъ главнокомандующаго, какъ-то: полковники князь Александръ Ивановичъ Гагаринъ и Юлій Ѳеодоровичъ Минквицъ, получили отдѣльныя командованія.

Осада Салты продолжалась отъ 27-го Іюля до 14-го Сентября. Такая продолжительность объясняется столько же средствами, которыя были употреблены для укрѣпленія аула, а также замѣчательною храбростью и стойкостью гарнизона, сколько желаніемъ нашихъ военныхъ начальниковъ достигнуть взятія аула при возможно-меньшей потерѣ людей; рѣшено было вести правильную осаду. Противъ передняго фронта были ведены траншеи, явились первая, вторая, третья паралели, кавалеръ-батарея; были устроены мины; однимъ словомъ, пройденъ былъ полный курсъ инженерной науки, который въ подробности описывать не по силамъ непосвященному въ оную. Уже выше было указано, что успѣхъ предпринятой осады могъ быть обезпеченъ лишь тогда, когда полное обложеніе аула лишило бы гарнизонъ возможности получать извнѣ подкрѣпленія людьми, съѣстными и боевыми припасами; пользовался онъ этимъ свободно, пока тылъ его былъ открытъ. Но занятію садовъ должно было предшествовать удаленіе изъ ихъ сосѣдства непріятельскихъ отрядовъ, которые, съ двухъ сторонъ, были расположены на небольшомъ отъ аула разстояніи.

Одинъ изъ такихъ отрядовъ, подъ начальствомъ наиба Кибитъ-Магомы, находился въ нѣсколькихъ верстахъ ниже нашего лагеря, по теченію

рѣчки Салы и по направленію къ Салтинскому мосту. Для изгнанія этой партіи было, подъ личнымъ начальствомъ кн. Аргутинскаго-Долгорукова, предпринято движеніе въ ночь съ 6 на 7-е Августа. Князь Воронцовъ присоединился къ отряду, и мнѣ было дозволено послѣдовать въ числѣ его свиты. Тронулись мы изъ нашего лагеря въ часть утра и къ разсвѣту достигли глубокаго оврага, на противоположномъ берегу котораго былъ расположенъ непріятельскій отрядъ. Приходъ нашъ очевидно засталъ его враслохъ. Тотчасъ была поведена атака, и уже въ 6 часовъ утра непріятель былъ сбѣтъ съ позиціи и бѣжалъ, оставивъ въ рукахъ нашихъ свой бивуакъ, въ которомъ оказался порядочный запасъ муки, хлѣба, много оружія, двѣ подозрныя трубы и разная посуда. Бѣгство непріятеля было настолько быстро, что плѣнныхъ было взято немного, около 10 человекъ; утверждали они, будто въ этомъ лагерѣ, кромѣ Кибитъ-Магомы, находились еще извѣстные сподвижники Шамиля, Хаджи-Муратъ, Даниель Султанъ и семь наибовъ; но на показанія подобныхъ плѣнныхъ всегда трудно было полагаться. Съ нашей стороны потеря была ничтожная, благодаря, конечно, внезапности и энергіи атаки; въ числѣ немногихъ раненыхъ былъ сотникъ, князь Юрій Гагаринъ; раненъ онъ былъ въ ногу, которую д-ръ Пироговъ призналъ нужнымъ отрѣзать и исполнилъ эту операцію съ свойственнымъ ему искусствомъ.

Черезъ два дня послѣ этого, частью отряда было предпринято второе ночное движеніе противъ другой непріятельской партіи, расположенной на высотахъ господствовавшихъ надъ противоположною стороною аула. Изъ этой партіи преимущественно высылались люди для подкрѣпленія или для обновленія гарнизона, который оттуда же снабжался боевыми и съѣстными припасами. И это движеніе было не менѣе успѣшное: застигнутый и тутъ въ раслохъ непріятель опрометью бѣжалъ. Ни въ первой, ни въ этой послѣдней изъ двухъ своихъ позицій Лезгины болѣе не сосредоточивались; ограничились они, и то рѣдко, случайными демонстраціями, никакого вліянія на ходъ осады не имѣвшими.

Первымъ и непосредственнымъ послѣдствіемъ этихъ двухъ движеній было изгнаніе непріятеля изъ передовой позиціи, прикрывавшей лѣвый флангъ аула. Была она занята нашими войсками, и на ней устроена батарея изъ горныхъ орудій, которая могла обстрѣливать ближайшія къ аульной стѣнѣ сакли, отъ которыхъ они отдѣлялись глубокимъ, но не широкимъ оврагомъ. Помнится мнѣ, что, дня черезъ два или три послѣ устройства этой батареи, вздумалось мнѣ, совер-

шая обычную прогулку по лагерю, полюбопытствовать и посѣтить ее. Командовавшій тутъ штабъ-офицеръ, увидѣвъ пришедшаго гражданскаго чиновника, вѣроятно захотѣлъ либо его испытать, либо отнять у него охоту повторить посѣщеніе; встрѣтивъ меня весьма любезно, онъ провелъ меня по батареѣ и затѣмъ вывелъ меня за брустверъ, какъ бы для того, чтобы ближе показать мнѣ аульныя сакли. Только что мы вдвоемъ вышли на это совершенно-открытое мѣсто, какъ раздались изъ ближайшихъ сакель выстрѣлы, и нѣсколько пуль пролетѣло мимо насъ. Сообразилъ я, что положеніе было довольно незавидное; будь я раненъ, никакой бы не приобрѣлъ славы, а подвергся бы лишь довольно справедливому обвиненію, что пошелъ туда, гдѣ мнѣ дѣла никакого не было. Но я не хотѣлъ дать моему спутнику право потѣшаться надъ чиновникомъ. Поэтому, не давая вида, выждалъ я, пока мой гостепріимный проводникъ повернулъ назадъ и провелъ меня обратно въ батарею. Къ счастью, никто изъ насъ не былъ затронутъ. Поблагодаривъ за угощеніе, не повторялъ я моихъ посѣщеній къ этому шутнику.

По освобожденіи ближайшихъ окрестностей аула отъ непріятельскихъ вспомогательныхъ партій, было приступлено, 22 Августа, къ самому важному для успѣха осады предпріятію: занятію садовъ, въ тылу аула. Назначены были для этого два баталіона подъ начальствомъ прибывшаго недавно въ лагерь, инженеръ-генерала Бюрно; присоединена была и нѣкоторая часть туземной милиціи. Предпринятое рано утромъ занятіе, котораго гарнизонъ очевидно не ожидалъ, совершилось безъ сопротивленія, и войска немедленно, въ занятыхъ мѣстахъ, стали окапываться. На сколько это движеніе признавалось непріателемъ для него опаснымъ, выяснилось въ слѣдующую же ночь. Только что совсѣмъ стемнѣло, какъ значительная часть гарнизона, подъ ночнымъ покровомъ, вышла изъ аула и внезапно бросилась на небольшой передовой редутъ, занятый частью Чохской милиціи и ротою Самурскаго полка, подъ начальствомъ капитана Щербина. Натискъ былъ настолько стремительный и перевѣсъ численности атакующихъ настолько значительный, что слабая горсть эта, не смотря на храброе сопротивленіе, была въ кратчайшій срокъ подавлена и почти вся истреблена. Затѣмъ непріятель съ ожесточеніемъ бросился на недоконченные еще окопы главной части отряда. Пять разъ онъ возобновлялъ свои, можно сказать, яростныя атаки: съ кинжалами въ зубахъ мюриды бросались въ амбразуры выставленныхъ горныхъ орудій и, хватаясь за колеса, пытались ихъ вытащить; бывшая при орудіяхъ прислуга отбивалась въ рукопашномъ бою; по всей линіи происходилъ бой штыками, кинжалами

и пашками. Войска наши, воодушевляемые своими начальниками, выдержали эти отчаянные натиски и отстояли занятые позиции; но дорого стоила победа. Независимо 300 человекъ убитыхъ и раненыхъ, отрядъ понесъ тяжелую потерю въ лицѣ храбраго маіора Бибанова, который палъ геройскою смертію во главѣ своего баталіона; два раза раненный, онъ не сходилъ съ мѣста, защищая орудія; одинъ мюридъ, схвативъ Бибанова за горло, хотѣлъ перетащить его черезъ брустверь; баталіонный адъютантъ тутъ же изрубилъ смѣльчака, но двѣ пули dokonчили Бибанова. Окончательно отбитый непріятель, пользуясь темнотою и невозможностью его преслѣдовать, успѣлъ вынести своихъ убитыхъ и раненыхъ, число которыхъ должно было быть значительно. Нападенія такого рода не были болѣе возобновляемы; отрядъ нашъ настолько укрѣпился въ занятыхъ имъ позиціяхъ, что могъ бы безъ труда выдержать всякую атаку. Только утромъ, послѣдовавшимъ за этимъ ожесточеннымъ боемъ, подробности онаго могли сдѣлаться извѣстны въ нашемъ лагерѣ; вечеромъ, когда началась атака, были слышны ружейные выстрѣлы, сперва частые, потомъ мало по малу уменьшавшіеся. Возбудили они естественно и вниманіе, и безпокойство; сообщаться же ночью съ садами, отстоявшими версты на три отъ главной квартиры, и по трудности дороги, и по неизвѣстности о положеніи дѣла, было невозможно. Съ тѣмъ болѣе нетерпѣніемъ ожидался разсвѣтъ, который доставилъ вѣсть и радостную объ успѣхѣ, и печальную о жертвахъ, которыхъ онъ стоилъ. Главнокомандующій въ тотъ же день посѣтилъ позицію въ садахъ, дабы осмотрѣть мѣстность и благодарить начальниковъ и войска за ихъ примѣрную стойкость. Такимъ образомъ аулъ былъ окончательно обложенъ, и сообщеніе его съ наружнымъ міромъ, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ, прекращено.

Вскорѣ послѣ этого мы всѣ были серьезно озабочены постигшею князя Воронцова болѣзнію. Сдѣлалось у него сильное воспаленіе въ правомъ глазѣ, причинявшее ему, непрекращавшіяся днемъ и ночью, томительныя боли. Былъ возбужденъ вопросъ о переездѣ больного въ мѣсто, гдѣ онъ могъ бы пользоваться нѣсколько болѣе удобнымъ, нежели палатка, помѣщеніемъ; но всѣ такія предложенія князь Михаилъ Семеновичъ безусловно отклонялъ, считая свое присутствіе въ лагерѣ тѣмъ болѣе необходимымъ, что между командиромъ отряда, княземъ Аргутинскимъ и принявшимъ на себя главное руководство осадными работами, начальникомъ главнаго штаба, генераломъ Павломъ Евстафьевичемъ Коцебу, не существовало полного всегда согласія; отсутствіе же главнокомандующаго могло обострить такое несогласіе. Пользовали больного Николай Ивановичъ Пироговъ и постоянный

врачъ князя Воронцова Эрастъ Степановичъ Андріевскій. Было ли и между этими жрецами науки полное единомысліе относительно способъ лѣченія, въ этомъ дозвоительно было сомнѣваться; вѣрно лишь то, что въ самый, повидимому, критическій періодъ болѣзни, Н. И. Пироговъ, подъ предлогомъ посѣщенія нѣкоторыхъ лазаретовъ, въ которые были направлены раненные, уѣхалъ на нѣсколько дней изъ лагеря. Нашлись, какъ обыкновенно, недоброжелатели, объяснившіе отъѣздъ желаніемъ сложить съ себя отвѣтственность за предвидѣвшійся будто бы неблагопріятный исходъ болѣзни. Какъ бы то ни было, но, оставшись одинъ, докторъ Андріевскій, всегда смѣлый и рѣшительный въ употребленіи средствъ лѣченія, и притомъ хорошо знакомый съ крѣпкою натурой своего пациента, прибѣгнувъ 4-го Сентября къ средству, на которое его товарищъ, въ первый разъ пользовавшій 65 лѣтнаго старца, быть можетъ, и не согласился бы: онъ сдѣлалъ больному сильное меркуріальное втираніе, предупредивъ впрочемъ находившагося при отрядѣ сына князя Воронцова, Семена Михайловича, что онъ ожидаетъ отъ этого радикальнаго средства успѣха, хотя и признаетъ, что оно, при условіяхъ лагерной жизни, нѣсколько рискованно. Къ счастью оказались одни только благопріятныя послѣдствія; они были такъ быстры, что, съ вечера на утро, боли улеглись, и выздоровленіе, хотя медленное, установилось. Цѣлыхъ три недѣли больной не выходилъ изъ палатки, выказавъ и въ этомъ случаѣ рѣдкую стойкость и терпѣніе.

Пока главнокомандующій былъ прикованъ къ болѣзненному одру, осадныя работы продолжались. Къ 8 Сентября минныя работы на столько подвинулись, что можно было произвести взрывъ, отъ котораго обрушилась средняя башня, открывъ широкій доступъ. Къ этому же времени, дѣйствіемъ артиллеріи, аульная стѣна, по обѣ стороны башни, была также значительно повреждена. 9-го Сентября рѣшено начать приступъ. Съ ранняго утра открытъ былъ со всѣхъ батарей учащенный артилерійскій огонь, продолжавшійся около часа времени; вслѣдъ за тѣмъ были двинуты двѣ колонны, одна перваго батальона Самурскаго, другая третьяго батальона Дагестанскаго полка, предшествуемая охотниками. Самурскій батальонъ, направленный на лѣво отъ средней башни, понесъ довольно значительныя потери, безъ видимаго успѣха, пока саперы успѣли на скоро укрѣпить воронку взорванной башни, и Самурцы заняли оную. Дагестанскій батальонъ, со своими охотниками, дѣйствовалъ успѣшнѣе: онъ овладѣлъ правою, отъ нашего лагеря, башнею и частью стѣны, за которою оказалось помѣщеніе, служившее гарнизону казармою; ее Дагестанцы заняли, разобравъ, по возможности, наружную крѣпостную стѣну и укрѣпивъ заднюю стѣну казармы.

Между тѣмъ на воронкѣ средней башни устраивалась батарея, тутъ же вооруженная орудіями. Между обращенною къ аулу стѣною казармы и близжащими саклями былъ устроенъ гарнизономъ ходъ, прикрытый сверху хворостомъ. Одинъ смѣльчакъ-сапѣръ спустился и зажечь этотъ хворостъ. Но возвратиться было нелегко, не подвергаясь вѣрноп смерти отъ непріятельскихъ выстрѣловъ; засѣвъ за нѣсколькими тутъ случившимися бревнами и ограждая себя кромѣ того наложенными сверхъ оныхъ камнями, смѣльчакъ просидѣлъ тутъ подтора часа и успѣлъ благополучно вернуться. Атака съ правой стороны была ведена графомъ Фёдоромъ Логиновичемъ Гейденомъ; онъ показалъ себя въ этотъ день молодцомъ, столько же по личной храбрости, сколько по распорядительности. Но не обошлось ему это даромъ: около 6 часовъ вечера, послѣ двѣнадцати часовъ боя, онъ былъ раненъ пулею въ верхнюю часть ляжки близъ живота, на вылетъ; къ счастью, рана оказалась легкой; пуля не задѣла кости, а прошла только черезъ мясные части. Войска сражались и работали съ отличнымъ мужествомъ и усердіемъ; къ вечеру они укрѣпились въ занятыхъ позиціяхъ. Но и непріятель ни въ чемъ не уступалъ въ храбрости, чѣмъ объясняется довольно значительная потеря наша: 104 человѣка убитыхъ и до 500 раненыхъ.

Въ ночь съ 9-го на 10-е и на слѣдующіе дни продолжались работы по укрѣпленію занятыхъ позицій и вооруженію устраиваемыхъ на нихъ батарей. 10-го непріятель ничего серьезнаго не предпринималъ; но въ ночь съ 10-го на 11-е, въ третьемъ часу утра, мюриды зажгли бревна, наложенныя передъ правою нашею батареею и, при этомъ освѣщеніи, внезапно бросились на одну изъ амбразуръ, предпославъ градъ камней; схвативъ поставленное тутъ горное орудіе за колеса, они пытались его вытащить. Командовавшій тутъ полковникъ Манюкинъ и офицеры охранявшаго эту позицію батальона Мингрельскаго полка удерживали орудіе, пока солдаты штыками и камнями отбивали нападавшихъ; два раза мюриды возобновляли подобные натиски, но были оба раза отбиваемы. Во время этого боя полковникъ Манюкинъ былъ раненъ въ голову двумя камнями.

12 и 13 число прошли безъ знаменательныхъ событій; была подличнымъ начальствомъ князя Аргутинскаго произведена весьма успѣшная фуражировка, причемъ показавшаяся на вершинѣ хребта, по направлению къ селенію Коппа, непріятельская наблюдательная партія прогнана, безъ всякаго сопротивленія.

14 Сентября, съ ранняго утра, былъ опять открытъ учащенный огонь со всѣхъ нашихъ батарей, который поддерживался около часа времени. Тогда были двинуты двѣ колонны на приступъ; одна, составленная изъ 1-го батальона Дагестанскаго полка, подъ начальствомъ маіора Кунцевича, была направлена, на правомъ нашемъ флангѣ, для занятія крайнихъ, съ этой стороны, сакель аула, изъ которыхъ еще кое-какъ гарнизонъ могъ, хотя только по одиночкѣ, сообщаться съ наружнымъ міромъ; другая, составленная изъ 3-го батальона Самурскаго полка, подъ начальствомъ маіора Шлегеля, выступая изъ батареи, устроенной 9-го числа на развалинахъ средней башни, имѣла назначеніемъ овладѣть ближайшими саклями и уничтожить заваль, воздвигнутый непріателемъ противъ казармы, которою войска наши овладѣли при первомъ приступѣ. Партія охотниковъ изъ Эриванскаго полка, подъ начальствомъ капитана Прозоркевича, предшествовала штурмующей колоннѣ. Но нелегко доставалось двигаться впередъ. Съ правой стороны аула, подъ саклями, были вырыты погреба, которые, сообщаясь между собою, давали мюридамъ возможность скрываться въ оныхъ и изъ-подъ пола стрѣлять на подвигавшихся впередъ солдатъ нашихъ, имѣя притомъ свободное отступленіе: тутъ, кромѣ боя наружнаго, приходилось имѣть дѣло съ непріателемъ невидимымъ. Каждая сакля представляла изъ себя малое укрѣпленіе, которое надо было брать приступомъ. Мюриды сражались не на животъ, а на смерть; пятнадцать изъ нихъ удалось отрѣзать; изъ нихъ одиннадцать сдались, а четыре были убиты. Такимъ образомъ, подвигаясь медленно, шагъ за шагомъ, до двухъ часовъ по полудни, правая колонна успѣла овладѣть только тремя-четырьмя саклями, важными однако потому, что окончательно отрѣзывалось всякое возможное сообщеніе гарнизона съ вѣшнимъ міромъ.

Менѣе успѣшно дѣйствовала колонна маіора Шлегеля; не удалось ей, не смотря на повторенные натиски, выбить непріателя изъ завала, имѣя устроеннаго; команда же охотниковъ, подъ начальствомъ капитана Прозоркевича, неосторожно увлеклась впередъ, была отрѣзана и уничтожена.

Результатъ восьмичасоваго отчаяннаго боя представился крайне ничтожнымъ. Предвидѣлось, что если взятіе аула должно будетъ продолжаться при подобныхъ условіяхъ, то оно потребуетъ еще немало времени, немало жертвъ. Подъ этимъ нерадостнымъ впечатлѣніемъ окончился день 14 Сентября.

Пока происходило это побоище въ аулѣ, Хаджи-Муратъ съ конною партіею явился на высотахъ, по дорогѣ къ деревнѣ Коппа, въ

надеждѣ отвлечь наши войска отъ приступа; но посланные на встрѣчу ему драгуны и двѣ роты Эриванскаго полка заставили его отступить. Потеря наша въ продолженіи дня была значительная; въ числѣ раненыхъ былъ и князь Моисей Захарьевичъ Аргутинскій-Долгоруковъ, пулею на вылетъ въ щеку и шею; рана впрочемъ оказалась весьма легкою; убитъ былъ, между прочимъ, капитанъ Котляревскій, 1-го батальона Дагестанскаго полка, офицеръ отличный.

Послѣ того отчаяннаго и геройскаго сопротивленія, которое оказали Салтинскіе мюриды, никто, конечно въ нашемъ лагерѣ не подозревалъ, что это былъ послѣдній актъ кровавой драмы. Вечеромъ, часовъ въ восемь, когда все стихло, вдругъ послышалась учащенная перестрѣлка въ садахъ за ауломъ и противъ занятыхъ нами тамъ позицій; оказалось, что Салтинскій гарнизонъ, доведенный до истощенія четырехдневнымъ отсутствіемъ всякаго продовольствія и лишенный надежды на полученіе такового, рѣшился очистить аулъ въ надеждѣ увезти съ собою и орудіе; но встрѣченный нашими войсками, онъ долженъ былъ отступить. Посланная вслѣдъ за мюридами рота Ширванскаго полка, подѣ начальствомъ капитана Лазарева, отбила у нихъ орудіе и значекъ Омаръ-Моллы, начальствовавшего въ Салтахъ и, перебивъ немалое число отступившихъ, обратила въ безпорядочное бѣгство остальныхъ. Погибая подѣ штыками нашихъ солдатъ, немногіе изъ храбрыхъ защитниковъ аула спаслись. Командовавшій въ одномъ изъ садовыхъ редутовъ, маіоръ князь Илья Дмитріевичъ Орбеліани, первый, съ барабаннымъ боемъ, вступилъ въ очищенный отъ гарнизона аулъ и занялъ его. Извѣстіе это, произведя общую радость, нѣкоторыми, и въ томъ числѣ начальникомъ главнаго штаба, генераломъ Коцебу, было сначала встрѣчено недовѣрчиво: такъ оно было неожиданно и казалось невѣроятнымъ. Въ ту же ночь Чохская милиція вошла въ аулъ и нашла въ ономъ еще одно зарытое въ землѣ орудіе; при этомъ дикари эти, питавшіе личную вражду къ мюридамъ, нѣкоторыхъ оставшихся въ аулѣ раненыхъ умертвили.

15-го Сентября аулъ былъ въ подробности осмотрѣнъ. Найдено три раненыхъ нашихъ солдатъ; большое количество мертвыхъ тѣлъ лежало разбросанное по разнымъ направленіямъ. Солдаты наши надѣялись поживиться оставленнымъ имуществомъ; но оно ограничивалось немногимъ оружіемъ и предметами хозяйства.

Въ тотъ же день, посѣтивъ аулъ выѣхавъ съ княземъ Семеномъ Михайловичемъ Воронцовымъ и докторомъ Андріевскимъ, мы изумлялись настоящему хаосу внутренней обороны: по всѣмъ направленіямъ

были устроены завалы; сакли и погреба были приведены въ положеніе удобное для обороны; аулъ былъ просто неприступенъ, и взятіе его съ боя оказалось бы почти невозможнымъ: одинъ голодъ могъ вынудить защитниковъ къ сдачѣ. Нельзя было не отдать дань уваженія стойкости защитниковъ аула, до послѣдней крайности сражавшихся съ такимъ мужествомъ, когда они уже нѣсколько дней были безъ пищи.

Въ тотъ же день было приступлено къ преданію аула огню и разрушенію. Задача была нелегкая, ибо приходилось разбирать всѣ сакли; она заняла шесть сутокъ, и только 21 Сентября аулъ Салты былъ обращенъ окончательно въ груды развалинъ. Не воскресалъ онъ болѣе изъ оныхъ. Цѣль, которая имѣлась въ виду, была достигнута: пространство до Аварскаго Койсу освобождено отъ непріятеля, и спокойствіе нашихъ мирныхъ ауловъ съ этой стороны болѣе не нарушалось. Какъ ни дорого стоило взятіе аула Салты, польза этого похода была неоспорима.

19-го Сентября князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, въ первый разъ послѣ тяжелой болѣзни, вышелъ на чистый воздухъ, а 23-го онъ могъ уже верхомъ объѣхать весь театръ дѣйствій; 22 Сентября князь Аргутинскій могъ тоже совершить первый выходъ послѣ полученной имъ раны.

24-го Сентября отрядъ выступилъ въ обратный путь. Пошли мы на Цудахаръ. Большая деревня эта была расположена на берегу Казикумухскаго Койсу; сады, къ ней примыкавшіе, тянулись вдоль рѣки, на протяженіи четырехъ верстъ; но представляла она, на сей разъ, видъ раззоренія и пустынности: съ явными слѣдами разрушенія, нанесеннаго недавнимъ нападеніемъ Шамиля; прекрасная мечеть была въ развалинахъ; жители, большею частью, разбѣжались. Но паденіе аула Салты дало новую жизнь Цудахару: обезпеченные противъ новаго нападенія жители возвратились; для лучшей, на первое время, защиты ихъ, былъ на слѣдующую зиму оставленъ тамъ одинъ батальонъ пѣхоты, и было устроено небольшое укрѣпленіе.

Въ Цудахарѣ отрядъ раздѣлился на двѣ части: войска Южнаго Дагестана, подъ начальствомъ князя Аргутинскаго-Долгорукова, направились на Кумухъ, тогда какъ бывшія въ отрядѣ части изъ войскъ Сѣвернаго Дагестана пошли на Темиръ-Хавъ-Шуру. Съ ними слѣдовалъ главнокомандующій съ своимъ штабомъ и свитой. Прошли мы черезъ Акүшу и въ селенія Лаваша были встрѣчены княземъ Васи-

ліемъ Осиповичемъ Бсбутовымъ. Въ Теміръ-Ханъ-Шуръ пробыли мы до 3-го Октября; оттуда двинулись по знакомому пути, на Чиръ-Юрть, Внезапную, гдѣ застали князя Александра Ивановича Барятинскаго, вступившаго въ командованіе Кабардинскимъ полкомъ, на Ташъ-Кичу, Червленную, Екатериноградъ, во Владикавказъ, гдѣ, для отправления нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ по гражданскому управленію, провели шесть дней.

Только 18-го Октября мы, наконецъ, возвратились въ Тифлисъ, послѣ почти шестимѣсячнаго отсутствія.

Какъ ни интересно и поучительно было все видѣнное и пережитое въ теченіи этого полугодія: но, возвращаясь въ свою уютную городскую квартиру, невольно подумалъ я: «вездѣ хорошо, а дома лучше».

Баронъ А. Николаи.

Тифлисъ.
Мартъ 1891 г.